

Коридорные лампы под потолком висели криво, их тусклый свет едва пробивался сквозь мрак узкого прохода. Из-за грозы воздух был пропитан сыростью и тяжелым запахом гнили.

Двери спален были плотно закрыты. Сы Жун стоял в дверном проеме, босой, с обнаженными бледными ногами. Он осторожно огляделся, замер на пару секунд, а в его нежных янтарных глазах отразились грязные, пожелтевшие стены, покрытые пятнами плесени.

— Почему здесь никого нет? — прошептал Сы Жун.

В игру вступило столько новичков, и даже если игра началась, когда он этого не заметил, не могло же всё быть настолько тихо.

0528 ответило ему:

— Место принудительного сбора — не здесь.

Сы Жун нахмурился, его лицо выразило легкое страдание:

— Но я не получал никакого сообщения...

Если он правильно помнил, когда в прошлый раз официально начинались Прятки, перед этим не только устроили нелепую демонстрацию в актовом зале, но и разослали всем парням в общежитии анонимные сообщения.

0528 пришлось ответить коротко:

— Кто-то не хочет, чтобы ты участвовал.

Система мысленно вздохнула: он был достаточно чувствителен, чтобы точно вычислить личности двух боссов, но при этом не мог понять таких очевидных вещей. Всё дело было лишь в том, что кто-то боялся, что этот глупыш пострадает, и не хотел видеть, как его нежная кожа покроется ранами. А у того человека как раз была власть вершить судьбы других.

Сы Жун неуклюже переступил с ноги на ногу. Вспомнив, что он не договорил о Фэн Бае, он внезапно растерялся, не зная, куда идти. Прислонившись спиной к двери, он обессиленно оперся руками о колени.

— 0528, — позвал он, — Фэн Бай — это Сяо Ци. Тот самый извращенец, который в туалете зажал мне рот и заставил есть его трусы. Он заодно с Цзи Цзинцы, они оба — финальные боссы этого инстанса.

— Я знаю, — голос 0528 звучал нерешительно. Система видела, как опустились уголки глаз Сы Жуна, и как он приуныл.

В первую же ночь, когда он вошел в Игру ужасов, Чи Шэнь использовал навык NPC, вызвав у него галлюцинации. Сы Жун тогда погрузился в ужас от ледящих душу детских голосов и жутких песенок, забился под одеяло, боясь пошевелиться, а его тонкая спина мелко дрожала.

Фэн Бай тогда пришел не ради него. Всего за несколько минут до этого он своими руками убил другого человека, и с его ладоней на щели в полу капала кровь.

На самом деле, Сы Жун должен был догадаться раньше: единственным человеком, кроме настоящего Сы Жуна, кто мог беспрепятственно войти сюда и так хорошо знать их общежитие, был Фэн Бай.

Если прокрутить воспоминания, то, возможно, из-за игры разума или просто зная результат, теперь всё казалось закономерным. Широкие плечи Фэн Бая, когда он наклонялся, чтобы поцеловать его; температура ладони, закрывавшей ему рот в душном мужском туалете; вкусная рисовая каша, которую Фэн Бай сварил сам, когда он был голоден до обморока; и то, как Фэн Бай лежал у его кровати, словно щенок, когда Сы Жун просыпался и чувствовал себя таким одиноким.

Взгляд, которым тот смотрел на него — сосредоточенный и серьезный, — возможно, таил в себе эмоции, которые Сы Жун пока не мог понять.

Он доедал то, что не хотел сам Сы Жун, и заботился о нем, как о хозяине. Всё это заставляло Сы Жуна чувствовать себя крупной собакой с наклеенной биркой «Сы Жун»: другие к нему не подойдут, потому что у него есть хозяин.

В тот же вечер, когда он сбежал от извращенца, он понял, что личность Фэн Бая сомнительна. В туалете он не видел лица или других примет, но когда тот наклонился, Сы Жун заметил кончик его обуви. А на ладони, закрывавшей ему рот, был длинный шрам от пореза — глубокий, словно от острого предмета, поэтому он плохо заживал.

Когда Сы Жун заметил это, он нарочно выдохнул на руку горячий воздух, и мужчина слегка ослабил хватку, открыв шрам целиком. Тот был точь-в-точь как у Фэн Бая — именно в том месте, где у Сяо Ци сочилась кровь.

Когда Сы Жун вернулся в спальню, используя предмет, Фэн Бай вскоре последовал за ним. В тот миг, когда они встретились взглядами в дверях ванной, в свете, смешанном с лунным сиянием, Сы Жун увидел в его темных зрачках мимолетное замешательство, а затем — облегчение, словно тот резко выдохнул.

Он беспокоился о нем? Боялся, что другие боссы или игроки с особыми картами используют странные методы, чтобы заставить его исчезнуть навсегда?

Сы Жун чувствовал, что происходит что-то странное, но ничего не сказал. В любом случае, он не смог бы победить Фэн Бая, да и интуиция подсказывала: пока Фэн Бай остается Фэн Баем,

он не причинит ему вреда.

Фэн Бай вовсе не был хорошим человеком. В оригинальном сюжете он был вспыльчивым спортсменом, а теперь — злодеем, чьи руки по локоть в крови. Он был всего лишь NPC, и какая бы участь его ни ждала, он не заслуживал сочувствия.

Но Сы Жун так любил щенков. Стоило ему позвать, как Фэн Бай послушно возвращался, лизал ему руку или терся о ногу.

Сы Жун снова развернул измятую бумажку. Неужели Фэн Бай понял, что он догадался, сколько у того на самом деле карт личности? Или он намеренно подталкивал его к таким мыслям? Иначе зачем писать на записке такие заботливые слова, но подписываться Сяо Ци?

Первые несколько букв были выведены аккуратно, но дальше почерк становился всё более раздраженным. Видимо, возня с крошечными вырезками из газет утомила его, но в конце концов он закончил:

— Не ходи никуда, оставайся в спальне. Кто бы тебя ни звал — не двигайся. Поверь мне, с тобой ничего не случится.

Сяо Ци не стал бы заниматься глупостями, вырезая буквы из газет, чтобы создать нечто «романтическое» и «ретро» — это же такой заезженный клише! В наше время проще отправить анонимное сообщение.

Но Фэн Бай — стал бы.

По коридору пронесся холодный поток воздуха. Сы Жун, все еще в тапочках, которые подарил ему Се Тин, поежился. Здание было совершенно пустым. Кроме его собственного слабого дыхания и свиста ветра, не было ни звука. Оно не походило на общежитие, где живут сотни парней; скорее на заброшенную стройку.

— Ты можешь сказать мне, где именно место сбора? — голос Сы Жуна дрожал.

0528 в который раз ощутило укол сочувствия, но в итоге решило придерживаться профессиональной этики:

— Это выбор босса инстанса, мои полномочия не позволяют мне знать такие детали.

— Ладно. — Сы Жун слишком долго простоял в одной позе, его ноги затекли. Он выпрямился и потряс голенями, разминаясь. Его длинные прямые ресницы опустились, он безучастно уставился в пол.

0528 тут же сдалось и подсказало:

— Я не знаю, но это не значит, что не знает никто другой. Здание почти пусто, но ты здесь не один. Попробуй поискать или спросить, — голос системы звучал устало и спокойно.

Сы Жун тут же поднял голову, его глаза засияли. Он с легким триумфом сказал системе:

— Система, почему ты каждый раз попадаешься? Мне кажется, я так плохо играю...

0528: «...»

Толку-то знать, что он каждый раз притворяется? Язык работает быстрее мозга. Но система была уверена: никто не смог бы остаться равнодушным, глядя, как этот парень безмолвно опускает свои красивые глаза.

Сы Жун тихо рассмеялся и, направляясь к лестнице, решил продолжить наступление:

— А может, скажешь, на каком этаже они находятся?

— На шестом, — ответило 0528, на этот раз без колебаний.

Если бы у систем была аттестация, его зарплату и отпускные давно бы урезали до нуля. К счастью, в мире систем такого не было. За нарушение правил и при наличии доказательств они лишались жизненной энергии. Впрочем, его жизнь зависела не от Игры ужасов, а от Сы Жуна, так что максимум, что ему грозило — наказание вроде ударов током или демонтажа какой-нибудь важной детали, что сделало бы его «инвалидом» или «умственно отсталым».

Шестой этаж был ближе всего к актовому залу на крыше. Сы Жун почувствовал, как сердце сжалось от страха, но не остановился и продолжил подниматься.

На шестом этаже было еще мрачнее, чем на пятом, и веяло запустением. Дорога к спальням была неровной, с самым примитивным цементным полом. Зато путь к актовому залу, находившемуся менее чем в пяти метрах, был чистым и гладким — на отполированном полу можно было увидеть собственные бледные, серые лица.

Сы Жун покрылся холодным потом. У него была физиологическая неприязнь к этому залу, и большая часть жуткой атмосферы шестого этажа исходила именно от него.

— Только наполовину, — внезапно сказала 0528.

— Что значит «только наполовину»?

Почему оно опять недоговаривает? Он же не такой умный, зачем вечно загадками изъясняться?

— Мрачная атмосфера мужского общежития лишь наполовину зависит от этого зала. Здесь действительно похоронили много живых людей, и до того, как инстанс начал его использовать, многие выбрасывались отсюда, а причины их смерти до сих пор не выяснены.

Значит, другая половина исходит из другого, еще не раскрытого места в общежитии? Нет, не «не раскрытого», просто он не получил то сообщение с приказом и указанием адреса. Значит, место, где сейчас собрались остальные, — это другое известное или мало кому знакомое жуткое место в общежитии.

— Сы Жун? Почему ты здесь?

Голос раздался внезапно, в десяти метрах позади. Сердце Сы Жуна на миг остановилось. Он медленно, с опозданием повернулся.

Тот уже стоял за его спиной, растянув губы в улыбке. И он не издал ни звука при ходьбе.

<http://bllate.org/book/20943/2123131>